

Георгий Анчабадзе

**ПО ПОВОДУ НЕОБОСНОВАННЫХ КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ
(Ответ гг. Танкиеву А.Х. и Сампиеву И.М.)**

В Научном Вестнике Ингушского государственного Университета (№1'2002) опубликованы две рецензии на мою книгу «Вайнахи (чеченцы и ингуши)»¹. Авторы этих рецензий: заведующий кафедрой философии Ингушского государственного университета, доктор философских наук Танкиев А.Х.² и политолог, главный редактор «Научного Вестника» кандидат философских наук Сампиев И.М.³ Как видим, философы взялись оценивать исторический, по своему основному содержанию, труд, и отзывы их весьма негативные. Разумеется, ни одну работу нельзя назвать подлинно безупречной: недочеты имеются и в моей книге. К тому же ограниченный объем монографии не дал возможность в полной мере осветить все вопросы. Поэтому я был бы благодарен за ценные замечания, критические суждения научного характера. Но в данном случае складывается впечатление, что мы имеем дело с тенденциозной попыткой оппонентов, не обладающих специальной подготовкой, дискредитировать книгу. Даже подзаголовок рецензии Танкиева начинается со слов: «О вреде книги Г.З.Анчабадзе...». И дальше всё идет в духе речевых штампов идеологов советского времени, громивших из своих кабинетов «буржуазных фальсификаторов истории». Те же формулировки, шаблонные фразы и выражения. Так, А.Х.Танкиев пишет обо мне, что я, оказывается, держал «кирпич» за пазухой (с. 94). Мой труд – «явная и сознательная фальсификация» (с. 96), «такой красивый и блестящий снаружи, но коварный и смертоносный подарок» (с. 100). Он содержит «лживые утверждения», «извращенные толкования» и «дешевые реверансы» (с. 97, 99). Под маской «доброжелателя» я, дескать, пытаюсь ввести в ингушскую историю и культуру «своего коварного троянского коня» (с. 100).

Доктор наук Танкиев позволяет себе прибегать и к уничижительным, в данном контексте, поговоркам («Наш пострел везде поспел!», с. 94.). Видимо, желая принизить значение моей книги, он постоянно называет ее брошюрой (с. 97, 99, 100), хотя иная брошюра по своему содержанию ценнее некоторых толстых томов. Но брошюра – это печатное издание небольшого объема (не более 48 страниц)⁴, а в моей книге, которую взялся рецензировать Танкиев, 328 страниц (159 страниц текста на английском и 150 страниц – на русском языке, не считая иллюстраций). Книга содержит также карты, примечания, хронологические таблицы и список использованной литературы, которые, по мнению Танкиева, придают ей «научообразную видимость» (с. 94).

В рецензии И.М.Сампиева, на первый взгляд, я представлен не в таком негативном свете. Сампиев даже допускает, что «вероятно, автор имел самые добрые намерения при

² А.Х.Танкиев. Хвост «троянского коня»: О вреде книги Г.З.Анчабадзе «Вайнахи (чеченцы и ингуши)» // Научный вестник Ингушского государственного университета. №1. Магас, 2002. С.94–101. – В рассматриваемом номере «Вестника» автором данной рецензии указан: Танкиев Х.А. (с. 94). Однако на 109-ой странице, где даются сведения об авторах, а также в других местах журнала, инициалы г.Танкиева приводятся в другом порядке: Танкиев А.Х., поэтому мы сочли, что правильным является второй вариант, и отдаем ему предпочтение.

³ И.М.Сампиев. Рецензия. Автор: Г.З.Анчабадзе. Вайнахи (чеченцы и ингуши). Тбилиси: Изд-во «Кавказский дом», 2001. // Научный вестник Ингушского государственного университета. №1. Магас, 2002. С. 102–108.

⁴ Словарь иностранных слов. Издание 13-е. «Русский язык». Москва, 1986. С. 90.

написании своего труда» (с. 102). Однако тут же говорится, что моя книга относится к разряду «псевдонаучной литературы» (с. 102), имеет «антиингушскую установку» (с. 104, 106), вводит «в заблуждение читателей» (с. 105).

Оказывается, я пытаюсь «посеять семена межнациональной вражды между ингушами и чеченцами» (с. 104), озвучиваю «бредовые выдумки этих отщепенцев» – «отдельных чеченских шовинистов» (с. 104). Оппонент упорно старается приписать мне выполнение какого-то социального заказа и «зловредную пропаганду» (с. 107) «конструктивистской идеологии» (с. 102, 103, 105, 107, 108), а также идеологии «вайнахизма», или «вайнахства» (с. 105, 106, 107). Впрочем, дальше выясняется, что «уже в самой ингушской ученой среде и в массовом сознании дали всходы ядовитые семена гнилой идеологии вайнахизма» и Сампиеву даже известно, что «именно они в первую очередь воспримут данную рецензию в штыки» (с. 108).

Характеристику моей работы И.М.Сампиев завершает категорическими выводами: «С научной точки зрения работа несостоятельна, с политической – вредна, с этической – аморальна, какими бы благими мотивами не руководствовался автор» (с. 108).

Я не случайно отвел столько места «неодобрительным» оценкам, на которые не поспешили мои оппоненты. По всей видимости, они очень хотели выставить разбираемую книгу в черном свете, но, не имея на то объективных оснований, свои рецензии заполнили в значительной мере просто хулительными штампами. Весьма примечательно, также, что в рецензируемом труде они не увидели абсолютно ничего позитивного.

За столь серьезными обвинениями в отзывах Танкиева и Сампиева находим несоразмерно мало фактологического материала (особенно у Танкиева). Однако, даже те замечания, которые предъявляют мне оппоненты, практически, не выдерживают критики⁵.

Сильное раздражение оппонентов вызывает термин *вайнах* и они упорно не хотят признавать за чеченцами право так именоваться. При этом сам Танкиев отмечает, что понятие *вайнах*, под которым имеются в виду носители ингушского и чеченского языков, ввел в научный и литературный оборот в середине 30-х годов З.К.Мальсагов с целью консолидации ингушей и чеченцев (с. 98). Разъяснения оппонента, что это произошло сравнительно недавно, имеет искусственное происхождение и является калькой с ингушского *вейнах*, не меняют суть дела. В XIX–XX вв. учеными искусственно были внедрены такие этнонимы как *эстонцы*, *уйгуры*, *хакасы* и др., которые, однако, получили всеобщее распространение и укоренились также в быту.

По утверждению Сампиева «такого термина, как “вайнах”, нет ни в ингушском, ни в чеченском языке» (с. 102), хотя дальше на той же странице оппонент пишет: «чеченцы же вообще “освоили” термин “вайнах” только в конце 80-х годов 20 века».

Сампиева возмущает мысль, проведенная в моей книге, что чеченцы и ингуши «помимо национальных самоназваний – нохчи (чеченцы) и галгаи (ингуши), имеют также общее название – вайнахи»⁶. Цитируя это место, оппонент искажает текст и вместо слова «название», в конце цитаты, пишет – «самоназвание» (с. 103), а дальше восклицает: «Исторически сформировавшись как разные народы, что признает и автор, ... ингуши и чеченцы вдруг с подачи Анчабадзе заимели общее самосознание» (с. 103). Таким образом, слово «название», превратившись у Сампиева в «самоназвание», наконец видоизменилось в «самосознание».

Неудобно напоминать ученым мужам прописную истину, что термин *вайнах* давно утвердился в научной литературе как собирательное название чеченцев и ингушей. Приведу несколько примеров: в научно-популярном издании «Моя Чечено-Ингушетия» неоднократно упоминаются: «...родоплеменные группы вайнахов – предков

⁵ Должен признать лишь досадную неточность, прокрававшуюся в список иллюстраций: изображенный на рисунке 4 ингушский замок Вовнушки, отмечен как находящийся на территории Чечни.

⁶ Г.З.Анчабадзе. Вайнахи. С. 165.

современных чеченцев и ингушей»⁷. Известный этнолог-кавказовед Н.Г.Волкова в своей монографии пишет: «Вайнахская этническая общность в XVIII–первой половине XIX в. включала чеченцев и ингушей с их локальными группами»⁸. В фундаментальном обобщающем труде «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», написанном крупнейшими учеными-кавказоведами Москвы, Ленинграда, северокавказских республик и Грузии, чечено-ингушские племена также нередко упоминаются под собирательным названием «вайнахи»⁹. В энциклопедии «Народы и религии мира» отмечается, что «вайнах» – общее самоназвание ингушей и чеченцев¹⁰.

Термин *вайнах* («наши люди») употребляется и в обыденной речи. В частности, я слышал от чеченцев, что в годы ссылки (1944–1957 гг.) они так называли ингушей, отличая их от представителей других национальностей. Можно также вспомнить название чечено-ингушского ансамбля народного танца «Вайнах», политическую организацию «Вайнахская демократическая партия» (была создана в 1990 г. на основе чеченского общества «Барт») и др.

Второе понятие, в ложном толковании которого обвиняют меня оппоненты, это *аланы*. Танкиев пишет, что «этнический адрес [алан], все еще остается неопределенным наукой» (с. 95). Однако на следующей странице рецензии он уже считает доказанным, что «предки ингушей и чеченцев сами являлись аланами» (с. 96). Поэтому, мысль об ираноязычности основной массы аланских племен, проведенная в моей работе, квалифицируется им как фальсификация истории. Фраза из введения книги (а не «предисловия», как пишет Танкиев), гласящая, что «К X веку сложилось также Аланское (древнеосетинское) царство, охватившее значительную часть Центрального Предкавказья»¹¹, по мнению оппонента, имеет целью противопоставить друг другу «тех наших предков [чечено-ингушских племен], которые жили на равнинах, тем, которые жили в горах» (с. 96). Не буду ввязываться в бессмысленный спор с Танкиевым. По аланам существует богатая научная литература, в которой доминирует мнение их ираноязычности. Кстати, мысль об ираноязычности основной массы северокавказских алан, происходивших из круга сарматских племен, проводится и в «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР»¹². (Это, разумеется, не означает, что название «аланы» частично не могло распространяться и на те горнокавказские племена, которые вошли в аланскую конфедерации, в том числе, и на части вайнахов¹³.) Танкиев просто игнорирует этот массив научной литературы, и, обвиняя меня в фальсификации, сам прибегает к ней, чтобы обосновать свою точку зрения. Так, он приводит цитату (с некоторыми искажениями) из книги Г.Ф.Турчанинова о надписи из Маяцкого городища (Подонье): «Начало надписи отбито и, нужно думать, содержало личное имя. Оставшаяся часть надписи транслитерируется и читается: ...алануй кан ‘...аланов кан’»¹⁴. Дальше Танкиев незаметно переходит на собственное толкование: «Эта надпись довольно прозрачно читается на ингушском языке и означает на этом языке форму род. п. мн. числа этнонима алан: алануй // алануой, что означает в переводе на русский язык “аланский, из рода-племени аланов”» (с. 97).

⁷ Моя Чечено-Ингушетия. Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1970. С. 7.

⁸ Н.Г.Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX века. «Наука». Москва, 1974. С. 142.

⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. «Наука». Москва, 1988. С. 125, 151–153

¹⁰ Народы и религии мира. Энциклопедия. Главный редактор В.А.Тишков. Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия». М., 1998. С. 181.

¹¹ Г.З.Анчабадзе. Вайнахи. С. 180.

¹² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Том I. Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1967. С. 27, 31, 38 и др.

¹³ Г.З.Анчабадзе. Вайнахи. С. 201.

¹⁴ Г.Ф.Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. «Наука». Ленинград, 1971. С. 71.

На самом же деле у Турчанинова нет ничего подобного. Надпись он читает с помощью осетинского, а не ингушского языка, и пишет: «Осетинское иронское притяжательное местоимение 3-го л., оно же аффикс принадлежности -уй, не оставляют никаких сомнений в том, что надпись аланская»¹⁵.

Однако повторяю, я не собираюсь пускаться в дискуссию об аланах. Лишь напомню Танкиеву его собственные слова, что «наука несовместима с монополией» (с. 95). А если точка зрения другого автора не совпадает с Вашей, это еще не повод для обвинения его в «сознательной и целенаправленной» фальсификации.

В более мягкой форме упрекает меня по этому поводу Сампиев: «Анчабадзе вряд ли стоило однозначно утверждать об ираноязычности алан, поскольку этот вопрос далеко не разрешен на объективной основе и весьма подтвержден идеологическому влиянию» (с. 105). Действительно, при настоящем положении дел на Кавказе, история, к сожалению, становится одной из болезненных «точек» в межнациональных взаимоотношениях. Однако я считаю, что сегодняшние проблемы не должны влиять на освещение истории многовековой давности. Поэтому открыто излагаю свое суждение о прошлом, независимо оттого, какая у меня позиция относительно современных политических проблем. Поступи я иначе, скорее тогда бы оказался в плену идеологического влияния.

Сампиев спорит, также, относительно древних дурдзуков. Он пишет, что я постоянно допускаю подмену термина *дурдзуки* древнегрузинских летописей на *вайнахов*. Между тем, по мнению оппонента, географическая локализация дурдзуков, при сопоставлении с данными археологии и сведений древнегреческих и римских историков, не вызывает сомнений, что прямыми потомками дурдзуков являются именно современные ингуши (с. 105).

Не вдаваясь в подробности, скажу, что в сочинениях древнегреческих и римских авторов не встречается этноним *дурдзук* и ссылка на них – просчет оппонента. Немного могут дать и археологические материалы для уточнения этнической принадлежности их создателей, особенно когда речь идет о соседних, близкородственных племенах. Иное дело средневековые письменные исторические памятники (грузинские, армянские и др.), в которых дурдзуки (дзурдзуки, дурцки) фигурируют как один из горных народов, проживавший восточнее Дарьяльского прохода. Из сообщений грузинских источников, представляющих по данному вопросу более полную картину, видно, что термины *дурдзуки* (*дзурдзуки*) и *Дурдзукети* («Страна дурдзуков»), применялись в двух значениях – узком и широком. Так, царевич Вахушти (XVIII в.) локализует Страну дурдзуков на юге современной Ингушетии¹⁶. Эта узкое значение термина и оно показывает, что собственно дурдзуки являлись одним из элементов, из которых сложился ингушский народ. Но, как отмечалось, термин применялся и в широком значении, в котором Дурдзукети охватывает уже всю территорию расселения чечено-ингушских племен. Например, тот же Вахушти, подразумевая уже второе толкование термина, пишет, что Дурдзукети тянулась от реки Терек на западе, до «Страны леков» (Дагестан) на востоке¹⁷. Древнегрузинские летописи при описании событий средневековой истории, термин *дурдзуки* чаще употребляют, по-видимому, именно в широком, собирательном значении. Например, «Перевалил [через горы] царь леков и привел с собой дурдзуков и дидойцев»¹⁸. Надо полагать, царю леков (дагестанцев) легче было набрать в свои войска восточных вайнахов (предков чеченцев), чем предков ингушей, живших дальше от Дагестана. Видимо, в широком значении употребляется термин *дурдзук* и в следующих

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Картлис Цховреба. Т.IV. Вахушти. История Грузии / Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г.Каухчишвили. «Сабчота Сакартвело». Тбилиси, 1973. С. 652. (На груз. яз.)

¹⁷ Там же. С. 633.

¹⁸ Картлис Цховреба. Т.I. / Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г.Каухчишвили. «Госиздат». Тбилиси, 1955. С. 45. (На груз. яз.)

эпизодах: «иногда же дурдзуки и дидойцы приглашали и приводили хазаров»¹⁹; «вывел овсов, дурдзуков и дидойцев»²⁰; «явились с подношениями цари дурдзуков, привели свои войска и встали рядом»²¹. По контексту, во всех этих случаях, под именем *дурдзуки*, подразумеваются вайнахские (чечено-ингушские) племена в целом. В специальной литературе это принятая точка зрения. Например, вот что пишут известные исследователи истории и этнографии горских народов Кавказа Р.Л.Харадзе и А.И.Робакидзе: «в грузинских письменных источниках XI века (Леонти Мровели) фиксируется этноним дурдзук, который в осмыслении позднейших историков (В.Багратиони) покрывает всю группу нахских (вайнахских – Г.А.) народов, выражая вместе с тем их общность»²².

Поэтому когда, говоря словами Сампиева, я «допускаю подмену» термина *дурдзуки* на *вайнахов*, то этим не совершаю никакого подлога и никого не ввожу в заблуждение. Дурдзуки как в узком, так и в широком значении обозначали племя вайнахского корня, в те времена не разделенного еще на ингушей и чеченцев.

В рассматриваемых отзывах встречаются взаимоисключающие обвинения. Так, по словам Сампиева, я пишу о проблеме ингушко-чеченской границы, «в то же время **ни словом не обмолвившись** (выделено нами. – Г.А.) о действительной территориальной проблеме Пригородного района и части города Владикавказа» (с. 104), однако тремя страницами ниже выясняется, что «Анчабадзе **ставит с ног на голову** (выделено нами. – Г.А.) весь ход так называемого осетино-ингушского конфликта» (с. 107). Каково! Можно ли в одной и той же работе «ни словом ни обмолвившись» о проблеме, поставить все связанное с ней «с ног на голову»?

Я действительно в своей книге мимоходом коснулся вопроса современной ингушко-чеченской границы, посвятив этому всего 2,5 строки²³. Что же касается проблем связанных с Пригородным районом и другими территориями, входившими до 1934–1944 гг. в состав Ингушетии, то они занимают в книге несравненно больше места, и им посвящен специальный раздел²⁴. Там же помещена карта с изображением границ Ингушетии в 1924–1934 гг. и в настоящее время, где видно, какие территории потеряла Ингушетия в 40–50-х годах XX в. Кстати, эту картосхему я опубликовал впервые на грузинском языке в ноябре 1992 года и, возможно, был первым автором, который дал в открытой печати картографическое изображение территориальной составляющей осетино-ингушского конфликта²⁵.

Поэтому заявление И.М.Сампиева о том, что я ничего не говорю о территориальной проблеме Пригородного района и других земель, абсолютно не соответствует истине.

Оппоненты иногда демонстрируют подлинные примеры поверхностного отношения к теме. В моей работе на страницах 236–237 на русском языке воспроизведен текст чеченской исторической песни, который я привожу по книге «Чеченский фольклор»²⁶. В конце текста находится примечание 23, объясняющее в конце книги, в *примечаниях*, что перевод принадлежит Гине Кусраевой-Челидзе.

И.М.Сампиев почему-то стал искать сноску 23 не там, где ее надо было искать, т.е. в примечаниях, а в *списке использованной литературы*, где на 23-м месте значится работа А.Н.Генко «Из культурного прошлого ингушей». «Обнаружив» несоответствие, оппонент делает очередной критический выпад: «Анчабадзе вновь пытается смешать

¹⁹ Там же. С. 66. (На груз. яз.)

²⁰ Там же. С.219–220. (На груз. яз.)

²¹ Картлис Цховреба. Т.П. / Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г.Каухчишвили. «Сабчота Сакартвело». Тбилиси, 1959. С. 111. (На груз. яз.)

²² Р.Л.Харадзе, А.И.Робакидзе. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Издательство «Мецниереба». Тбилиси, 1968. С. 23-24.

²³ Г.З.Анчабадзе. Вайнахи. С. 187.

²⁴ Там же. С. 253–254, 262, 270–276.

²⁵ Г.Анчабадзе. Конфликт берет начало в прошлом // газ. «7 Дге». №42. от 19–25.ХІ. 1992. (На груз. яз.)

²⁶ Грустная песня Чоры // Чеченский фольклор. «Кавказский Дом». Тбилиси, 1996. С. 97–98.

мало в чем соприкасающуюся историю двух народов. Доходит до того, что он называет чеченской ингушскую песню, со ссылкой... на работу А.Н.Генко “Из культурного прошлого ингушей“!» (с. 106).

Этот эпизод показывает, как «внимательно» ознакомился оппонент с рецензируемой работой.

Некоторые «замечания» Сампиева носят откровенно провокационный характер. Ниже привожу целиком одно из таких мест:

«Антиингушская направленность сочинения Анчабадзе проявляется и в следующем утверждении. “В 1992 году Ингушетия вышла из состава общего (чечено-ингушского) государства и с республиканским статусом непосредственно вошла в Россию“. Но позвольте, Чечено-Ингушетия никогда не была самостоятельным государством, да и Ингушетия никуда не выходила – она была и осталась в составе России. При этом ингуши добились воссоздания собственной государственности и избавились от “Чечено-Ингушетии”, которая не была государством ни чеченцев, ни тем более ингушей» (с. 104).

Спрашивается, зачем такая патетика? Что крамольного, и, в частности, антиингушского, нашел оппонент в приведенной фразе. По конституции СССР Чечено-Ингушетия, как и любая другая автономная республика, являлась советским социалистическим **государством** (выделено нами. – Г.А.), входящим в состав союзной республики²⁷. Нигде в книге не говорится, что она была самостоятельной страной. А что неправильного в словах «непосредственно вошла в Россию»? Ведь до этого Ингушетия входила в состав РСФСР не прямо, а через Чечено-Ингушскую АССР.

Это один образец того, как мои оппоненты стараются белое представить чёрным, и найти «антиингушскую направленность» там, где ее нет.

Я думаю, что привел достаточно примеров, указывающих на необъективность отзывов Танкиева и Сампиева. В них представлен весь набор «методов» – искажение цитат, подтасовка фактов, предъявление голословных обвинений и т.д., – применяемых недобросовестными критиками. Но хочется отметить еще одну тенденцию, которая неприятно поразила меня, когда я ознакомился с рассматриваемыми рецензиями.

Речь идет о настойчивом стремлении авторов полностью отграничить ингушей от чеченцев. Так, Сампиев решительно протестует против моего тезиса о том, что «Чеченцы и ингуши имеют общее происхождение и схожие языки и культуру, но в силу исторически сложившихся обстоятельств сформировались как отдельные народы, четко осознающие, однако, свое единство»²⁸. Ведь, должно быть ясно, что под «единством» тут подразумевается близкое этническое родство, а не полная идентичность, однако это так озлило оппонента, что вопреки общеизвестным фактам, он пишет: «Общее происхождение ингушей и чеченцев не подтверждается ни археологическими данными..., ни данными физической антропологии, ни данными фольклористики и т.д... схожесть языков и культуры – не аргумент единства этих народов. Израильтяне и арабы имеют больше сходства в своих языках и культуре и единстве происхождения, чем ингуши и чеченцы» (с. 103). Несколько дальше Сампиев сообщает, что «кроме “общей” республики... ничего общего в истории двух народов [ингушского и чеченского] не было» (с. 107).

Танкиев, в свою очередь, жалуется, что «ингушский письменный язык засорен чеченизмами» (с. 98), пишет о троянском коне, который введен в Ингушетию и «с востока, со стороны Чечни» (с. 94), упоминает о «пресловутой» общности и братстве (с. 99).

Пусть никто не подумает, что я вмешиваюсь в межнациональные отношения и даю кому-то советы (тем более народам). Понимаю, что в основе всякой тенденции лежит своя «правда», но вместе с тем я уверен, что позиция моих оппонентов в данном вопросе

²⁷ СССР: Энциклопедический справочник. «Советская энциклопедия». Москва, 1982. С. 14.

²⁸ Г.З.Анчабадзе. Вайнахи. С. 165.

не выражает настроения ингушского общества в целом. Это проскальзывает и в рецензии Сампиева, когда тот, в свойственной ему манере выражаться, сетует, что семена т.н. идеологии «вайнахизма» дали всходы в ингушской ученой среде и в массовом сознании. Очень ярко это проявилось в наши дни, когда Ингушетия, не завершившая еще своего государственного строительства, имевшая десятки тысяч неустроенных беженцев ингушской национальности, приняла еще сотни тысяч перемещенных лиц из Чечни, что спасло многих из них от неминуемой гибели. В 2001 году я не преувеличивал в своей книге, когда писал: «На сегодняшний день, по соотношению беженцев к численности коренного населения, Ингушетия стоит на первое место в мире»²⁹.

Я считаю, также, что в этот тяжелый и судьбоносный для ингушей и чеченцев период, в первую очередь нужно помнить о том, что связывает вайнахские народы, а не разделяет их. Тем более что первого несравненно больше, чем второго.

---

²⁹ Там же. С.275.

George ANCHABADZE

CONCERNING GROUNDLESS CRITICAL REMARKS

(Answer to A. Tankiev and I. Sampiev)

S u m m a r y

Two reviews of my book: “The Vainakhs (The Chechens and Ingush)”. The Caucasian House Publishers. Tbilisi, 2001 (In English and Russian languages) are published in the scientific Bulletin of the Ingush State University. The authors of these reviews are A. Tankiev – doctor of philosophical sciences, the head of the chair of philosophy at the Ingush State University and I. Sampiev – a political scientist, candidate of philosophical sciences, the editor in-chief of “The Scientific Bulletin”. As we see, the philosophers began to appreciate the historical work and their reviews are very negative.

According to the review of the reviewers my book is of anti-Ingush tendency. As if my purpose is to delude the readers and to thrust “Vainakh” or “constrictionistic” ideology on them. At the same time the authors’ striving for utmost delimitation of the Ingush and the Chechens runs through both reviews; as though these neighboring and closerelated peoples had nothing in common in history.

In this answer concrete examples are given to show that the critical remarks states in the reviews of Tankiev and Sampiev – are absolutely groundless. It’s obvious that we deal with the tendentious attempt to discredit the book by the opponents, who are without proper schooling